

Колдовские *Миры*

ДАРЬЯ СНЕЖНАЯ

РОЛИ
ЛЕДИ РЕЙВЕН

Книга вторая

Москва

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С53

Разработка серийного оформления
А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Снежная, Дарья.

С53 Роли леди Рейвен. Книга вторая / Дарья Снежная. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-104049-9

Поступая на криминалистический факультет, леди Эрилин Рейвен мечтала о том, о чем и положено мечтать одаренному криминалисту: о раскрытых преступлениях, о звонкой славе первой леди в отрасли и всеобщем уважении. Вот только начальство упорно желает поставить на этих планах крест, маньяк отказывается ловиться, а связь с главой департамента вместо того, чтобы облегчать леди работу, только добавляет проблем. Впрочем, ей ведь не привыкать преодолевать препятствия самого разного толка, верно?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Снежная Д., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104049-9

Роль 9

ЖЕРТВА

Я стояла за спинами коллег, деликатно прикрыв нос надушенным платочком, и взирала на столь опрометчиво запрошенный подарок судьбы. Свежий труп, на нехватку которого я на днях жаловалась главе департамента, по злой иронии, пролежав четыре дня в водах Талсы, от свежести был далек..

Его утром обнаружили «жаворонки»¹, высыпавшие на обмелевший берег в поисках ежедневной добычи. Один из них, тот, кто не успел к дележке ценностей, найденных в карманах, сообщил о трупе в полицию, в надежде словить монетку хоть на этом. Уж не знаю, чем там наградил констебль вестника — медяком или подзатыльником, — но благодаря ему отдел маг-криминалистики получил очередную работу с перспективой выговора за отсутствие результатов. Ибо в то, что распухшая обезображенная фигура даст нам ответы на все вопросы и конкретную наводку на Живодера, никто не верил.

¹ «Жаворонки из грязи» — так называют мальчишек, промысляющих сбором мусора на обмелевшем дне в период отлива.

Сегодня было мое дневное дежурство, вот только на этот раз счастье осмотреть место происшествия первой было сомнительным. В основном потому, что труп обнаружили совсем не там, где жертву убили. Все необходимые манипуляции и замеры я выполняла исключительно для галочки, поскольку прекрасно знала, что ничего не найду. Мужчину убили несколько дней назад и даже не здесь, фон успел сотню раз смениться. Настроения не улучшались и казенные амулеты-инструменты, которые именно сегодня прикинулись доживающими последний век. Особенно опечалил алмаз в измерителе частотных колебаний магического фона. И без того мелкий камешек (нашли на чем экономить, у дам в ожерельях каратов больше!) еще и потускнел со временем, пропуская через себя магические волны, и перемены в его цвете, которые указывали на те или иные колебания, практически невозможно было различить. Я возилась с ним дольше обычного, чем только вызвала смешки за спиной со стороны полицейских, явно ставящих под сомнение мою компетенцию.

Раздражение по возвращении в отдел только усилили в общем-то дружеские подкалывания Ричи — мол, Живодер леди Рейвен благоволит, может, не будем больше ее на дежурства ставить? Глядишь, и трупов не станет.

А теперь, стоя в морге, я мрачно размышляла о том, что это очередной тупик. Что количество гибнущих людей увеличивается, а мы не в состоянии не то что отыскать убийцу, но даже сказать с уверенностью, что им движет.

Меня сюда, в общем-то, никто не звал. Я улизнула следом за остальными, воспользовавшись отсутствием указания оставаться в лаборатории. Господин «надежда и опора наша» Трейт вернулся из короткого отпуска в прекрасном настроении и, кажется, подзабыл про свой великий долг выжить леди из отдела. Но я не расслаблялась, прекрасно понимая, что благодушие начальства долго не продлится, а юбка среди брюк вещь слишком заметная, чтобы долго ее игнорировать.

Так я и простояла на протяжении всего вскрытия, на которое сегодня Трейт согнал всех, чтобы уж наверняка не упустить ни малейшей детали.

Было бы чего упускать — взрезанная грудная клетка и отсутствующие легкие видны, как говорится, невооруженным взглядом. Правда, на этот раз рана выглядела не очень аккуратно. Я списала это на долгое пребывание в воде, однако Ричи, проводивший вскрытие, подтвердил — Живодер на этот раз действовал иначе. Будто... торопился?

Или это не он, а раздражитель. Тоже версия. У-у-у...

На душе было тоскливо. И вовсе не из-за очередного трупа, вернувшегося Трейта и прочих рабочих неурядиц.

После ночного столкновения в коридоре поговорить с отцом наедине мне так и не довелось. Я не то чтобы рвалась — ну не оправдываться же? — но думала, что он сам позовет меня, попробует как-то вмешаться, мы поговорим. Нет, он вел себя ровным счетом как обычно, но я всеми фибрами души ощущала его молчаливое неодобрение. И оно давило куда сильнее, чем нотации, на которые я, скорее

всего, взбрыкнула бы, как с Греем, и уверилась в своей правоте.

— Предположительная дата смерти — ночь с субботы на воскресенье... — продолжал комментировать вскрытие Ричи.

Я вздрогнула — ночь теракта? Другого времени не нашел? Весь город стоял на ушах, полиция во главе с магами и криминалистами департамента землю носом рыли, чтобы поймать и представить его величеству хоть каких-либо виновных, помимо самоубийцы, иначе тогда виноватыми оказались бы мы — работники департамента и стражи порядка. Знамо дело — торопился! Когда в любой момент мимо может пронестись патруль. Вот только до сих пор Живодер отличался редким хладнокровием и расчетом, почему было не отложить экзекуцию на другой день? Важна привязка к датам?..

«Или это все же подражатель», — заунывно тянул противный внутренний голос, который сегодня задался целью испортить мне жизнь.

Не обращая на него внимания, я сделала себе пометку еще раз поискать временную закономерность в убийствах и продолжила слушать негромкий уверенный голос патологоанатома.

— Помимо очевидного увечья, имеется также серьезное повреждение кожных покровов головы. Удар такой силы, скорее всего, спровоцировал потерю сознания. Следы хлороформа... отсутствуют.

— Отсутствуют? — первым переспросил лично Трейт, хотя все мы, пожалуй, мысленно ахнули этот вопрос.

— Их могло смыть.

— Живодер пользовался до сих пор магически усиленным хлороформом. Его остаточный след не смыло бы. Наоборот, следы магии в воде сохраняются лучше, — произнес Тарн Гейл, задумчиво потирая подбородок.

— Так, — строго произнес Трейт, поджав губы, и обвел присутствующих таким недовольным взглядом, будто это мы заскучали, вступили в стговор и подкинули в отдел труп, который вроде как живодерский, но не очень. На мне и моем платочке этот взгляд задержался особенно долго, зверея, как говорится, на глазах, и я, не удержавшись, предположила самым невинным тоном:

— Хлороформ дома забыл? Не возвращаться же. Дурная примета!

— Приберегите ваше остроумие для светских раутов, леди Рейвен. — Шипению первого криминалиста позавидовала бы самая ядовитая из змей. — И лучше не открывайте рот, пока не сможете сказать хоть что-то стоящее, а не кормить нас дамскими суевериями и церковными сказками.

Мне очень хотелось сказать, мол, нечего было тогда мои «церковные сказки» с таким удовольствием глотать, раз такая уж глупость, но я, как водится, промолчала. Не выгнал, спасибо и на том.

Моя версия с ритуалом не подтвердилась. Зная, что искать, за то время, что прошло, коллеги уже что-то да нашли бы. А раз нет — мы снова без ведущего мотива. И Трейт, естественно, поставил неудачу в укор мне — пустила следствие по ложному следу, а как же!

Вот только удивительно после этого, что он меня со вскрытия не выгнал. Такой возможности не дать мне участвовать он бы не упустил, а значит, дела совсем плохи. И Трейт, на которого давит начальство свыше (а в свете теракта еще и с удвоенной силой давит), начинает хвататься за соломинку. Пусть он это никогда и не признает, но ритуал все же был хорошим вариантом. Особенно за неимением других. И есть крохотная надежда, что «порождение Дьявола» в моем лице выдаст еще одну версию.

Обойдется. В следующий раз я приду к нему только с железными доказательствами.

Никакой значимой информации Ричи больше сообщить не смог. Даже вопрос, было ли с легкими что-то не так или они совершенно здоровы, остался открытым — ждать установления личности.

Впрочем, мы надеялись, что на сей раз процедура не затянется. Одет убитый хорошо, это было ясно, хоть «жаворонки» и растащили все, что возможно, вплоть до пуговиц. А значит, велик шанс, что его скоро хватится не семья, так прислуга, коллеги, кто-нибудь... и завеса тайны приоткроется.

А пока нам остается ждать.

Из департамента я вышла все же в приподнятом настроении. В конце концов, проблема со следствием — не моя личная проблема. И пусть дома не все ладно, есть и плюсы в том, что отец узнал о моем недостойном поведении. Теперь в неведении оставалась только матушка, а ей дурить голову задержками на работе, внезапными ужинами и прочей ерундой можно бесконечно. Так что сегодня меня

ждал Кьер, а домой я загляну только переодеться. Никаких нотаций, никаких страданий, никаких упреков. Счастье? Счастье.

Я легко сбежала по мраморным ступенькам и бодрым шагом направилась вниз по бульвару, но не успела сделать и пары шагов, как меня окликнул незнакомый хрипловатый голос. Недоуменно обернувшись, я с мгновенно взметнувшейся злостью уставилась на приближающегося Арчи Оллина.

— Я вас заждался, милая леди. — Виконт поджентльменски приподнял цилиндр и дружелюбно оскалился. — На балу нам так некстати помешали.

— Нам не помешали. — Я задавила самый первый порыв просто повернуться спиной и продолжить путь в своем направлении. Во-первых, не отцепитесь. Во-вторых, улепетывающая от джентльмена леди куда больше бросается в глаза, чем мирно с оным беседующая. — Нам помогли поставить точку в бесполезном и бессмысленном разговоре.

— Эрилин, ну право слово, хватит дуться. — Арчи сделал шаг вперед, и я с трудом удержалась от того, чтобы отступить. Выражение лица у мужчины было таким искренне виноватым, что, будь я все той же семнадцатилетней дурехой, наверняка бы купилась. — Я выпил лишнего и сказанул лишнего. Я вообще не держу на тебя зла за...

— Ты не держишь на меня зла?! — Я против воли сорвалась на фальцет. Тут же опомнилась, взяла себя в руки и продолжила уже спокойно: — Лорд Оллин, давайте мы с вами расставим вещи на свои места. Мы — чужие люди. Между нами — ничего нет. И не

было. И не будет. Поэтому прекратите меня преследовать.

— А не то что? — резким, хриплым голосом отрезал мужчина, разом переменявшись. Напускное равнодушие стекло с него, как помой с камней мостовой под ударившим ливнем. Взгляд сделался злым, колючим и откровенно пугающим.

Я как-то разом заметила то, что ускользнуло от меня за маской воспоминаний в темный вечер на балконе. При свете стало видно, что Арчи изменился, и сильно. Под глазами залегли глубокие тени, кожа казалась пергаментно бледной, потрескавшиеся губы, резкие морщины на лбу...

— Я хотел с тобой по-хорошему, Эри, видит бог, хотел! — говорил он негромко, но яростно, даже одержимо. — Я был бы с тобой ласков, как тогда. Тебе же нравилось, будешь отпираться? Но раз ты, дрянь деревенская, по-хорошему не хочешь, будет по-иному.

В животе неприятно, холодно екнуло. Все тело напряглось, будто готовилось сорваться с места, убежать. Да только смысл?

— Мне нужны деньги, пятьсот толлов, для начала, — бесхитростно заявил Арчи. — И ты мне их принесешь. Заработаешь сама, выпросишь у папочки или своего любовника — мне без разницы. Принесешь деньги послезавтра, ко мне. А не принесешь — вся столица будет знать о том, что леди Рейвен — маленькая потаскушка. С твоей скандальной репутацией мне даже не придется никого в этом сильно убеждать.

Откуда он знает? После всего им сказанного у меня в голове билась одна лишь мысль — отку-

да он знает про Кьера? И что именно про него он знает?

Словно в ответ на этот немой вопрос, виконт продолжил, придвинувшись еще ближе:

— Я не знаю и мне плевать, кому из высокопоставленных чиновников ты греешь постель, только знай, что деваться тебе некуда. Скажу слово — и общество будет закрыто для тебя навсегда, и на герцогском балу тебе больше не блистать, птичка, — обращение, которым он награждал меня тогда, восемь лет назад, сочилось ядом. — И посмотрим, как ты тогда запоешь...

— Ты не знаешь, с кем связался, Арчи, — холодно проговорила я, стараясь, чтобы голос не сильно дрожал от гнева — еще примет за страх.

— Я-то не знаю? Да ты ничтожество, пустое место, выродок опального рода. На тебя всерьез не глянет ни один аристократ. Личико премилое, да. С таким личиком ножки раздвигать самое оно. Хотя и это у тебя получалось так себе. Или поднатаскали?

Спокойствие. Спокойствие. Спокойствие. Если я сейчас врежу ему между ног, больнее будет ему, а хуже — мне. Вдох. Выдох.

— Ты, может, и в департамент-то через постель попала? Кто там у вас начальником криминалистики, а? Не его ли на меня натравишь? Только не полезет он за тебя вступаться. Ни одному нормальному мужику такие проблемы не нужны. Вышвырнет и найдет себе другую, помоложе да без скандалов.

Арчи наконец закончил свою пламенную речь и, изучив взглядом мое застывшее лицо, плотно сжатые губы и остекленевший взгляд куда-то мимо его

плеча (смотреть на него не было сил, убью ведь, прости господи, грех на душу возьму), бросил с презрением и превосходством:

— Послезавтра, Эрилин. И я еще щедр, что не требую прямо сейчас.

Я сжала пальцы, впиваясь ногтями в ладони, с трудом удерживаясь от того, чтобы расцарапать эту омерзительную физиономию, а Арчи со всем почтением приподнял шляпу, поклонился, прощаясь, и прошел мимо, напоследок ощутимо задев плечом.

Я осталась стоять посреди бульвара.

И, как ни странно, в голове продолжала биться все та же настойчивая мысль — откуда он узнал, что у меня кто-то есть? Я не могла толком понять, почему мысль эта затмила все сказанное Арчи, но она совершенно не давала покоя. Свет не знает, иначе мама бы уже лежала при смерти, а виконту нечем было бы меня шантажировать. А значит, не знает никто...

Кроме того, кто до сих пор эту тайну благополучно хранил. И кто, совершенно определенно, состоит с Арчи Оллином в подобии дружеских отношений. И кому мне повторно захотелось надавить от души на свежий перелом, который, желательно, самой же и организовать!

Я зло выдохнула, сжала губы и решительно взмахнула рукой, подзывая извозчика. Возможно, Кьеру придется меня немного подождать, но дело определенно не требовало отлагательств.

Спустя чуть менее получаса я постучала в высокую темную дверь одного из массивных особняков на улице Черного дуба. Дверь открылась быстро.

— Добрый вечер, мэм.

— Леди Эрилин Рейвен, — холодно представилась я.

— Прошу прощения, миледи, но милорд Грайнем никого сегодня не принимает.

— Меня примет. Сообщите, будьте любезны.

Дворецкий покорно поклонился и распахнул дверь шире, приглашая меня войти.

— Подождите здесь, миледи, прошу вас.

И я осталась ждать в холле, обитом панелями из орехового дерева. Адрес лорда Грайнема узнала, конечно же, матушка. Которая уже на следующий день после бала начала строить планы о том, что надо будет обязательно выбрать дождливый денек и словно невзначай отправиться гулять без зонтов под окнами графского особняка. Ведь настоящий джентльмен никогда не оставит дам мокнуть на улице. Впрочем, потом она приходила к выводу, что мой вид мокрой кошки может его отпугнуть, и план выстраивался новый. Все их я не запомнила, в отличие от адреса — так, на всякий случай. Который настал даже быстрее, чем я могла подумать.

Ждать пришлось недолго. Послышался глухой стук металла о дерево и прихрамывающие шаги, и граф Грайнем предстал передо мной с крайне изумленным выражением на вечно хмурой физиономии.

— Леди Эрилин? Признаться, я удивлен.

— Неужели? — в моем голосе не звучало ни малейшей приязни. — То есть вы хотите сказать, что не имеете ни малейшего отношения к тому, что